

1840

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ КОМПОЗИТОР

1940

К 100-летию со дня рождения П. И. Чайковского

ЧАЙКОВСКИЙ И ПУШКИН

Имена двух великих людей — композитора и поэта возникают в нашем сознании, сливаются воедино, когда мы говорим о таких замечательных произведениях музыкального искусства, как «Евгений Онегин» и «Пиковая дама».

Чтобы написать такую оперу, как «Евгений Онегин», которую с неизменным волнением слушают миллионы, надо быть не только глубоко, исключительно одаренным музыкантом, но только быть во всеоружии техники своего искусства, надо любить, понимать и ценить пушкинскую поэзию во всей ее мудрой простоте, задушевности и человечности.

Чайковский, по его собственным словам, с ранних лет был потрясен до глубины души поэтичностью образов Пушкина; он восхищался «музыкальностью» стиха, общедоступностью творчества Пушкина для каждого человека.

И сам Чайковский, восхищаясь Пушкиным и его наследниками в русской реалистической литературе, стремился создать в музыке образы, отвечающие жизненной правде, полные глубоко и правдивого чувства.

Не случайно загорелся Чайковский мыслью написать оперу «Евгений Онегин». Только болезнь и тяжелые личные переживания заставили его отложить работу над оперой. Но как только у композитора восстановилась сила, она немедленно была закончена.

«Какая бездна поэзии в «Онегине!» — восклицает Чайковский в самом начале работы над оперой. Он не раз заявляет, что Пушкин действует на него «самым вдохновляющим образом». По выражению Чайковского, «Пушкин силой гениального таланта очень часто врывается из тесных сфер стихотворчества в бесконечную область музыки».

Чайковский начал оперу со сцены письма Татьяны. Эта сцена была высшей точкой его лирического вдохновения, в ней он раскрыл музыку всю силу, всю непосредственность молодой, едва расцветшей любви. «Если я горел огнем вдохновения, когда писал сцену письма», — вспоминал композитор, — «то зажег этот огонь Пушкин и, открывено вам скажу, вовсе не из напускной скромности, а вполне сознательно, что если моя музыка заключает в себе хотя десятую долю той красоты, которая в самом сюжете, то я очень горжусь и доволен этим».

Чайковский был сильно озабочен тем, как разработать сценически богатый, насыщенный, разносторонний материал пушкинского романа. Разумеется, самая форма оперы и условия музыкальной сцены должны были связывать композитора. Он мог показать лишь личную драму действующих лиц, да и то только частично, в отрывках. Чайковский так и сделал, назвав свое произведение не оперой, а «лирическими сценами». Но возник другой вопрос, не менее острый — о сохранении подлинного текста.

«Мне кажется, — отвечал Чайковский на вопрос о несценичности такой оперы, — что все сценические неудобства выкупаются прелестью пушкинского стиха. Но по этому поводу у меня является опасение гораздо более важное, чем страх, что публика не будет трепетать от интонации певца, воспевающего Пушкина».

Жен был ко многим стихам Пушкина прибавлять или свои собственные или же местами стихи либреттиста. Вот чего я боюсь, вот что меня смущает...»

Недостатки либретто и его текста, в тех местах, где они отходят от поэтического подлинника, с такой силой покрываются красотой и глубиной музыки, мастерством творчества великого композитора, что перестают ощущаться.

Пушкинские сюжеты продолжают привлекать композитора и после «Онегина». Он останавливает свое внимание на поэме Пушкина «Полтава».

В опере «Мазепа», созданной по тексту этой поэмы, Чайковский по цензурным условиям свое внимание сосредоточивает на личной драме, на трагической участи Марии.

Образ несчастной, загубленной девушки нарисован композитором в полном соответствии с замыслом поэта. Столкновение ее светлой, доверчивой души с жестокой действительностью вырастает в подлинную человеческую трагедию.

В этой опере Чайковский дал ряд поразительных по силе драматических эпизодов, достигнув вершин искусства.

Не имея возможности развернуть исторический фон, показанный в «Полтаве» Пушкиным, композитор вводит в оперу симфоническую картину «Полтавский бой». В ней он с замечательным искусством воскрешает в нашей памяти страницу из героической истории русского народа.

С каким изумительным вдохновением создается Чайковским последняя из «пушкинских» опер — «Пиковая дама»! В 44 дня написано было композитором сложнейшее и богатейшее по музыкальным формам произведение, насыщенное полными образами, восхитительными мелодиями. На каждой странице его лежит отпечаток подлинно пережитых, глубоких и разнообразных чувств — надежд, сомнений, пылкой страсти, разочарований, душевных бурь и смятений в борьбе с судьбой.

Несмотря на значительные отклонения сюжета оперы от пушкинской повести, Чайковский и здесь с полным основанием мог бы сказать, что «зажег» этот «огонь вдохновения» не кто иной, как Пушкин.

Чайковский считал необходимым откликнуться на замечательный призыв поэта к солнцу, разуму, свету. Им был написан хор на слова Пушкина:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает
И тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Пушкинская горячая любовь к жизни и к людям лежит и в основе искусства Чайковского, гениально претворившего в музыке творческое наследие поэта, сохранившего дорожные нам пушкинские заветы — реализм и народность.

Пушкин — национальный и мировой поэт, Чайковский — национальный и мировой композитор — оба любимейшие художники советского народа, зовущие к непрестанному

Шоссе, соединяющее Москву с Ленинградом, на одном маленьком отрезке носит название улицы Чайковского. Это — главная улица Клина — небольшого промышленного городка под Москвой.

Клин вошел в историю русской музыкальной культуры, как один из значительнейших памятников конца прошлого века. Здесь, в самом городе и двух ближайших селах — Майданово и Фроловское, жил и творил последние годы своей жизни великий русский композитор Петр Ильич Чайковский. Отсюда 7 сентября 1893 года Чайковский уехал в Петербург, а почти через два месяца телеграф принес в Клин горестную весть: Чайковский скончался.

Клинский период жизни композитора, длившийся в общей сложности около 8 лет, богат выдающимися творческими успехами. В это время Чайковским были написаны оперы «Чародейка» и «Иоланта», балеты «Спящая красавица» и «Щелкунчик», музыка к трагедии Шекспира «Гамлет», дуэт «Ромео и Джульетта», симфоническая баллада «Восход», симфонии — пятая и шестая, являющаяся до сих пор непревзойденной вершиной всей русской симфонической музыки. К этому же периоду относятся и одна из кратковременных поездок Чайковского за границу, где композитор написал «Пиковую даму».

В Клину Чайковский арендовал небольшой двухэтажный домик на улице, носящей ныне имя великого композитора. Домик этот сохранился до наших дней.

Город Клин времен Чайковского резко отличался от нынешнего Клина. Тогда здесь не было ни фабрик, ни заводов. Жилище Чайковского окружали лес, сады и огороды. У самого дома на дороге был шлагбаум, стоял верстовой столб. Чайковский выходил на дорогу, долго глядел вдали, углублялся в лес, и здесь в тиши обдумывал свои бессмертные творения. Композитор всегда имел при себе записную книжку или маленький альбом из нотной бумаги. Эти записные книжки и альбомы хранятся сейчас в архиве клинского дома. Имянные альбомы в переплетах из цветного мраморного шелка с золотыми обрезами хранят в себе записи Чайковского, которые еще ждут своего исследователя. Часто встречаются здесь только две или три ноты, намеки на музыкальную тему, редко — целые музыкальные фразы, еще реже — словесные отметки. Все эти книжечки композитор бережно хранил, аккуратно их складывал, часто просматривал.

Дом Чайковского в Клину превращен в музей. Каждая вещь здесь

раза великого русского композитора. Чайковский любил жизнь, любил много и страстно работать. У него была трудовая, насыщенная творчеством жизнь. В одном из писем композитора издателю Юргенсону мы читаем:

«Для меня жизнь без сочинительского труда имеет мало прелести». Случайные творческие неудачи, заминки в работе или просто стеченные обстоятельства, мешавшие композитору плодотворно работать, часто сказывались на его настроении.

«Я не в духе, — говорится в другом письме, — причина моего «недухия» — заминка в работе над партитурой «Орлеанской девы».

Чайковский отличался редкой работоспособностью и точностью. Раз

хонный, ничем не покрытый стол. За этим столом Чайковский создавал свои произведения. В соседней большой комнате, служившей одновременно и рабочим кабинетом и гостиной, стоит рояль Беккера, подаренный им лично композитору. На столе лежат камертон и ключ для настройки: Чайковский никому не доверял настройку инструмента и неизменно делал это сам.

Чайковский всегда горячо радовался успеху своих товарищей. Он старался всячески поощрять музыкантов в их работе, писал ободряющие письма. Композитор жадно искал музыкальные таланты среди детей. Один из экзептиров музея рассказывает о посещениях Чайковским Одессы. Однажды к нему в номер

пришел 8-летнего мальчика — скрипача Рувима Каминского. Когда ребенок заиграл, Чайковский пришел в восторг. Поглядыв мальчишку по голове, композитор обратился к его отцу: «Не насилуйте только его дарования. Берегите его. Он у вас такой бледный и худенький. Кормите его хорошенько, пусть он больше развлекается. Не давайте ему очень сосредоточиваться на музыке. В его годы это вредно». А мальчишка сказал: «Мы еще с тобой увидимся». Позднее Чайковский часто оказывал бедным родителям этого даровитого ребенка денежную помощь.

Чайковский вообще любил детей и трогательно к ним относился. В Клину сейчас проживает 73-летний пенсионер Н. Д. Иванов. Он звал Чайковского и хорошо его помнит...

«Идет, бывало, Петр Ильич по улице, — рассказывает он, — а рядом — целая ватага ребят. Завернет с ними в лавку, закупит игрушек, чтобы никого из детей не обидеть... Музей в Клину всегда полон народа. Не говоря уже о местных жителях, которые бывают здесь часто, в Клину приезжают из Москвы, Ленинграда, а юга, из Сибири — отовсюду. Посетители часами осматривают книги, портреты, ноты.

В книге посетителей есть трогательные записи: «Внутренняя лаборатория замечательного композитора раскрывается, как благородный подвиг творчества на радость человеку, на радость народу». Когда композитора особенно сильно дожимали праздные визитеры-просители, он вывешивал на входных дверях наклейку: «Дома нет. Просьба не беспокоить». Эта наклейка, пожелтевшая от времени, висит почему-то и сейчас. Группа посетительниц сделала на днях в книге такую запись: «Хотя по наклейке Чайковского

В Ленинграде на улице Союза Печатников стоит большой старинный дом.

Здесь, полвека назад, находился своеобразный клуб музыкантов столицы. В квартире дирижера Альбрехта по понедельникам собирались гости — скрипач Ауэр, виолончелист Веряболович, певец Мельников, композитор Рахманинов.

Здесь играли, пели, обсуждали музыкальные новинки. Музыканты, собравшись в тесный кружок, на время забывали о своем одиночестве в царском Петербурге.

Доля дирижера Альбрехта — Надежда Петровна Альбрехт — сохранила много воспоминаний о прошлом. Особенно интересны ее рассказы о Чайковском.

«Творения Чайковского, — говорит она, — исполнялись у нас очень часто. Я, молодая скрипачка, всегда восхищалась ими и мечтала познакомиться с великим звукотворцем.

Это произошло в 1888 году. Чайковский тогда только что закончил оперу «Чародейка». Премьера прошла в Мариинском театре с успехом. Я ожидала увидеть человека довольного, гордого своей победой. Но композитор был задумчив, даже грустен. В ответ на мои восторженные похвалы он говорил:

«Нет, это не то. Можно сделать лучше. Я всегда об этом думаю».

Чайковский был исключительно скромным. Это хорошо знали не только его друзья, но и петербургские зрители. Публике стоило большого труда вызвать композитора на сцену. Во время антрактов он исчезал за кулисами, беседовал с оркестрантами, с артистами, вникал во все детали исполнения, давал советы. «Можно лучше сделать, — он говорил это и самому себе и своим сотоварищам по искусству.

Артисты очень любили Чайковского, хотя он порой изрядно досаждал им. Они видели в нем внимательно, участливого друга, всегда готового помочь.

Помню — готовилась постановка «Пиковой дамы». В роли Германа должен был выступить известный тогда солист Фигнер. Чтобы принять вид саперного офицера — Германа, предстояло сбрить усы. Но у Фигнера была какая-то кожная болезнь, и бритье причиняло ему сильнейшую боль.

Чайковский пожалел артиста. Композитор отправился в дирекцию императорских театров и попросил, чтобы Фигнеру разрешили оставить усы.

«Разве можно, — ответили ему, — саперы в пушкинские времена усов не носили».

«Что ж такого, — сказал композитор. — Почему Герман обязательно должен быть сапером? Я подберу ему другую форму. Вы поймите — человек не может бриться».

После долгих споров Чайковский настоял на своем. Герман был превращен в усатого гусара.

Беднякам из театральных рабочих Чайковский помогал материально. Нередко он всю получку до копейки раздаривал плотникам, осветителям, бутафорам. Человек по натуре крайне непрактичный, он даже не вел счета своим доходам и совсем не думал ни о богатстве, ни о комфорте.

лотил на произведениях Чайковского целое состояние. Автор же получал гроши.

Чайковский вел суровый, строго регламентированный образ жизни. В его доме в Клину господствовал трудовой режим. Чайковский считал утренние часы самыми ценными для творческой работы. Каждый день после завтрака он гулял в саду. Никто не тревожил его в это время. Он быстро шагал по аллеям, не замечая окружающего, весь поглощенный теснившимися в его сознании звуками. И мысленно уложив эти звуки в мелодии, Чайковский запирался в своем кабинете и принимался быстро писать.

Как упорно, с какой кипучей энергией он работал, об этом лучше всего говорят некоторые выписки, которые Надежда Петровна Альбрехт сделала из дневника композитора.

«17 января 1890 года. Начал «Пиковую даму».

4 февраля. Кончил вторую картину.

5 февраля. Написал сцену смерти старухи.

12 февраля. Продолжал интермедию. По временам мне казалось, что я живу в XVIII веке и что дальше Мопарта ничего не было.

20 февраля. Кончил пятую картину. Как-то не совсем доволен ею, а с иными местами не могу примириться, а изменять тоже не умею.

2 марта. Кончил сегодня седьмую картину. Ужасно плакал, когда Герман испустил дух. Результат усталости, а может быть того, что в самом деле это хорошо».

«Работоспособность Чайковского, — продолжает Надежда Петровна, — изумляла всех его современников. Часто он давал в год несколько крупных произведений для сцены.

Иногда Чайковский управлял оркестром сам. Делал он это не по доброй воле. Он не любил дирижировать. Но директора театров хотели поднять сборы. Афиши возвещали о том, что оркестр будет играть музыку Чайковского под управлением автора. Это было хорошей рекламой.

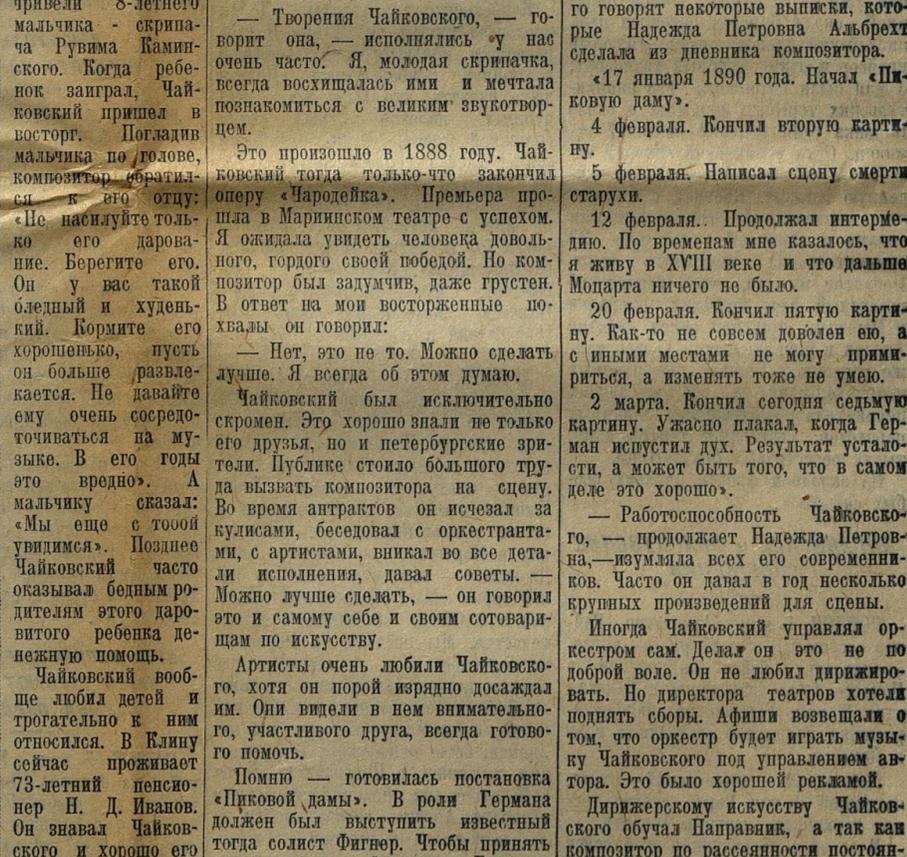
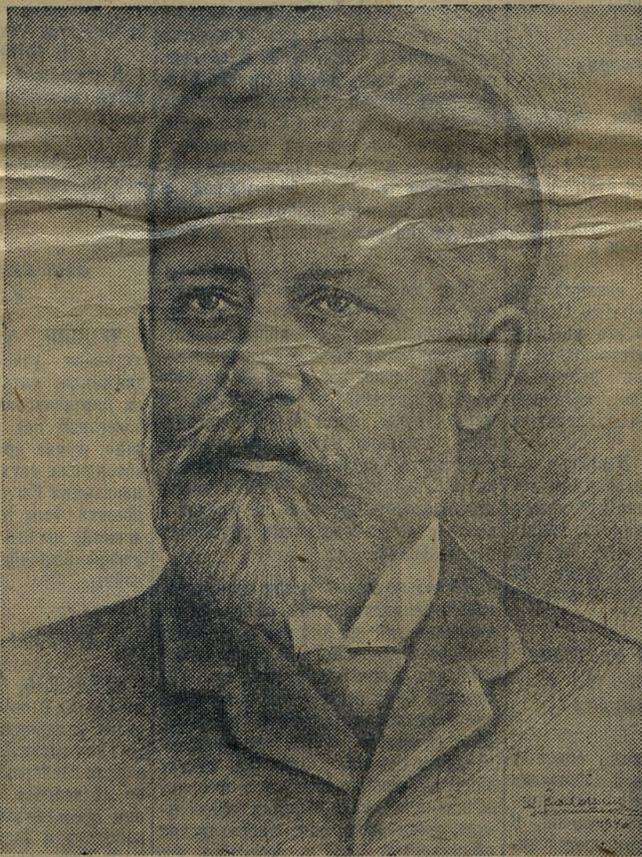
Дирижерскому искусству Чайковского обучал Направник, а так как композитор по рассеянности постоянно терял палочку — Направник привязывал ее к руке Чайковского. Так с привязанной палочкой Петр Ильич дирижировал при исполнении своей Шестой симфонии.

Это было незадолго до его смерти. Может быть потому, что композитор был поражен болезнью, оркестр как-то не звучал полной силой.

Чайковский умер в 1893 году. На всю жизнь, — говорит Надежда Петровна Альбрехт, — остался в моей памяти день похорон. Огромная толпа народа окружила Казанский собор. На Невском остановилось движение.

Мы — небольшая группа музыкантов, пришедших отдать последний долг Чайковскому, увидели, что великого композитора хоронят весь Петербург, вся Россия.

Среди собравшихся на похороны были и люди, которых мы редко видели в театре, — жители рабочей окраины. Правда, их было немного. Творения Чайковского были почти неизвестны рабочим. Только теперь музыкальное наследие гениального

«Какая бедна поэзия в «Онегине!» — восклицает Чайковский в самом начале работы над оперой. Он не раз заявляет, что Пушкин действует на него «самым вдохновляющим образом». По выражению Чайковского, «Пушкин силою гениального таланта очень часто врывается из тесных сфер стихотворчества в беспечную область музыки».

Чайковский начал оперу со сцены письма Татьяны. Эта сцена была высшей точкой его лирического вдохновения, в ней он раскрыл музыкой всю силу, всю непосредственность молодой, едва расцветшей любви. «Если я горел огнем вдохновения, когда писал сцену письма», — вспоминал композитор, — «то зажег этот огонь Пушкин и, откровенно вам скажу, вполне не из напущенной скромности, а вполне сознательно, что если моя музыка заключает в себе хотя десятую долю той красоты, которая в самом сюжете, то я очень горжусь и доволен этим».

Чайковский был сильно озабочен тем, как разработать сценически богатый, насыщенный, разносторонний материал пушкинского романа. Разумеется, самая форма оперы и условия музыкальной сцены должны были связывать композитора. Он мог показать лишь личную драму действующих лиц, да и то только частично, в отрывках. Чайковский так и сделал, назвав свое произведение не оперой, а «лирическими сценами». Но возникла другая вопрос, не менее острый — о сохранении подлинного текста.

«Мне кажется, — отвечал Чайковский на вопрос о несденности такой оперы, — что все сценические неудобства выкупаются прелестью пушкинского стиха. Но по этому поводу у меня является опасение гораздо более важное, чем страх, что публика не будет трепетать от интереса узнать развиваю действия. Я говорю про то святотатственное дерзновение, с которым я поневоле дол-

водит в оперу симфоническую картину «Полтавский бой». В ней он с замечательным искусством воскрешает в нашей памяти страницу из героической истории русского народа.

С каким изумительным вдохновением создается Чайковским последняя из «пушкинских» опер — «Пиковая дама»? В 44 дня написано было композитором сложнейшей и богатейшей по музыкальным формам произведение, насыщенное полноценными образами, восхитительными мелодиями. На каждой странице его лежит отпечаток подлинно пережитых, глубоких и разнообразных чувств — надежд, сомнений, пылкой страсти, разочарований, душевных бурь и смятений в борьбе с судьбой.

Несмотря на значительные отклонения сюжета оперы от пушкинской повести, Чайковский и здесь с полным основанием мог бы сказать, что «зажег» этот «огонь вдохновения» не кто иной, как Пушкин.

Чайковский счел необходимым отклониться на замечательный призыв поэта к солнцу, разуму, свету. Им был написан хор на слова Пушкина:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает
и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется
тьма!

Пушкинская горячая любовь к жизни и к людям лежит в основе искусства Чайковского, гениально претворившего в музыку творческое наследие поэта, сохранившего дороге нам пушкинские заветы — реализм и народность.

Пушкин — национальный и мировой поэт, Чайковский — национальный и мировой композитор — оба любимейшие художники советского народа, зовущие к непрестанному движению вперед, ко всей полноте человеческого счастья.

Вас. ЯКОВЛЕВ.

фонни — пятая и шестая, являющаяся до сих пор непревзойденной вершиной всей русской симфонической музыки. К этому же периоду относятся и одна из кратковременных поездок Чайковского за границу, где композитор написал «Пиковую даму».

В Клину Чайковский арендовал небольшой двухэтажный домик на улице, носящей ныне имя великого композитора. Домик этот сохранился до наших дней. Горазд Клин времен Чайковского резко отличался от нынешнего Клина. Тогда здесь не было ни фабрик, ни заводов. Жилище Чайковского окружали лес, сады и огороды. У самого дома на дороге был шлагбаум, стоял верстовой столб. Чайковский выходил на дорогу, долго глядел вдаль, углублялся в лес, и здесь в тиши обдумывал свои бессмертные творения. Композитор всегда имел при себе записную книжку или маленький альбом из нотной бумаги. Эти записные книжки и альбомы хранятся сейчас в архиве клинского дома. Изысканные альбомы в переплетах из цветного муарового шелка с золотыми обрезами хранят в себе записи Чайковского, которые еще ждут своего исследователя. Часто встречаются здесь только две или три ноты, намек на музыкальную тему, редко — целые музыкальные фразы, еще реже — словесные отметки. Все эти книжечки композитор бережно хранил, аккуратно их складывал, часто просматривал.

Дом Чайковского в Клину превращен в музей. Каждая вещь здесь имеет свою историю. Каждый предмет помогает воссоздать в памяти отдельные черты замечательного об-

думав окончить какое-либо сочинение в определенное время, композитор неизменно выдерживал этот срок. В клинском музее хранится свыше 10 тысяч писем Чайковского. Композитор любил и умел писать. В письмах выявляется одна важная деталь из жизни Чайковского. Он вечно пужался в деньгах. Выдающийся русский композитор, чье имя гремело не только в России, но и далеко за пределами ее, — вынужден был отчаянно бороться за свое существование.

Чайковский писал из-за границы, из Сан-Ремо: «Успех моих сочинений нисколько не может произойти от того, что я... являюсь делегатом от русской музыки — без денег, без инструкции, не имея возможности ничего организовать, ибо правительство решительно отказывается от субсидий...»

Чайковский создал немало произведений. Одних только симфоний, опер, концертов, балетов и увертюр им написано свыше пятидесяти, не считая бесчисленного множества фортепианных пьесок и романсов.

В личной жизни, в быту Чайковский был чрезвычайно скромным и простым. Он спал на обыкновенной железной кровати. В клинском музее в спальне у окна стоит большой ку-

рточник, в котором очень сосредоточивались на музыке. В его годы это вредно». А мальчику сказал: «Мы еще с тобой увидимся». Позднее Чайковский часто оказывал бедным родителям этого даровитого ребенка денежную помощь.

Чайковский вообще любил детей и трогательно к ним относился. В Клину сейчас проживает 73-летний пенсионер Н. Д. Иванов. Он знал Чайковского и хорошо его помнит... — Идет, бывало, Петр Ильич по улице, — рассказывает он, — а рядом — целая ватага ребят. Завернет с ними в лавку, накупит игрушек, чтобы никого из детей не обидеть... Музей в Клину всегда полон народа. Не говоря уже о местных жителях, которые бывают здесь часто, в Клин приезжают из Москвы, Ленинграда, с юга, из Сибири — отовсюду. Посетители часами рассматривают книги, портреты, ноты.

В книге посетителей есть трогательные записи:

«Внутренняя лаборатория замечательного композитора раскрывается, как благородный подвиг творчества и радость человеку, на радость народу».

Когда композитора особенно сильно дожимали праздные посетители, он вывешивал на входных дверях наклею: «Дома нет. Просьба не беспокоить». Эта наклею, пожелевшая от времени, висит почему-то и сейчас. Группа посетителей сделала на днях в книге такую запись:

«Хотя по наклею Чайковского «нет дома», но с первого же момента, как поднимаешься по лестнице, чувствуешь себя у него, как у хорошего, близкого друга». И. РОДИН.

Чайковский был исключительно скромным. Это хорошо знали не только его друзья, но и петербургские артисты. Публике стоило большого труда вызвать композитора на сцену. Во время антрактов он исчезал за кулисами, беседовал с оркестрантами, с артистами, выкал во все детали исполнения, давал советы. — Можно лучше сделать, — он говорил это и самому себе и своим сотоварищам по искусству.

Артисты очень любили Чайковского, хотя он порой изрядно досаждал им. Они видели в нем внимательно, участливого друга, всегда готового помочь.

Помню — готовилась постановка «Пиковой дамы». В роли Германа должен был выступить известный тогда солист Фигнер. Чтобы принять вид саперного офицера — Германа, предстояло сбрить усы. Но у Фигнера была какая-то кожная болезнь, и бритье причиняло ему сильнейшую боль.

Чайковский пожалел артиста. Композитор отправился в дирекцию императорских театров и попросил, чтобы Фигнеру разрешили оставить усы.

— Разве можно, — ответили ему, — саперы в пушкинские времена усов не носили.

— Что ж такого, — сказал композитор. — Почему Герман обязательно должен быть сапером? Я побегу ему другую форму. Вы помните — человек не может бриться.

После долгих споров Чайковский настоял на своем. Герман был превращен в усатого гусара.

Беднякам из театральных рабочих Чайковский помогал материально. Нередко он всю получку до копейки раздавал плотникам, осветителям, бутаяром. Человек по натуре крайне непрактичный, он даже не вел счета своим доходам и совсем не думал ни о богатстве, ни о комфорте.

Находились люди, которые пользовались добротой и бескорыстием композитора и нещадно обирали его. Петербургский издатель Юргенсон ско-

2 марта. Кончил сегодня седьмую картину. Ужасно плакал, когда Герман испустил дух. Результат усталости, а может быть того, что в самом деле это хорошо».

— Работоспособность Чайковского, — продолжает Надежда Петровна, — изумляла всех его современников. Часто он давал в год несколько крупных произведений для сцены.

Иногда Чайковский управлял оркестром сам. Делал он это не по доброй воле. Он не любил дирижировать. Но директора театров хотели поднять сборы. Афиши возмещали о том, что оркестр будет играть музыку Чайковского под управлением автора. Это было хорошей рекламой.

Дирижерскому искусству Чайковского обучал Направник, а так как композитор по рассеянности постоянно терял палочку — Направник призывал ее к руке Чайковского. Так с привязанной палочкой Петр Ильич дирижировал при исполнении своей Шестой симфонии.

Это было незадолго до его смерти. Может быть потому, что композитор был подавлен болезнью, оркестр как-то не звучал полной силой.

Чайковский умер в 1893 году. На всю жизнь, — говорит Надежда Петровна Альбрехт, — остался в моей памяти день похорон. Огромная толпа народа окружила Казанский собор. На Невском остановилось движение.

Мы — небольшая группа музыкантов, пришедших отдать последний долг Чайковскому, увидели, что великого композитора хоронит весь Петербург, вся Россия.

Среди сохранившихся на похоронах были и люди, которых мы редко видели в театре, — жители рабочей окраины. Правда, их было немного. Творения Чайковского были почти недоступны рабочим. Только теперь музыкальное наследство гениального композитора стало всенародным достоянием.

М. ДВИНСКИЙ.

Ленинград.

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

Петр Ильич Чайковский тысячами читателей связан с русской культурой. Как мыслящий передовой человек, он охватил многие стороны и черты современной ему русской действительности и неоднократно обращался к историческому прошлому своей родины. «...Я реалист и коренной русский человек», — писал он. Горячий патриотизм Чайковского увлекал его, как и других лучших русских людей, на путь серьезной критики отрицательных сторон русской действительности.

Однако не только критическое отношение к окружающей его среде питало великую творческую мысль Чайковского. Положительные силы — вера в народ, страстный гуманизм — одушевляли симфонии и оперы, романсы и камерную музыку Чайковского. Великий композитор глубоко понимал переживания простых людей, и потому его музыка, как бы разнообразна она ни была, звучит с неподражаемой искренностью и чудесной теплотой.

Искусство Чайковского часто оведало мяскающей, а иногда, в трагических эпизодах, не чуждо и отчаянию. Но оно настолько пронизано любовью к жизни, могучим током чувства и нередко поднимается до ликования. Вот почему музыка Чайковского так много говорит человеческому сердцу, и в этом следует искать причину необыкновенной популярности творчества Чайковского во всем мире. Западная Европа и Америка фактически ставят Чайковского на первое место после Бетховена среди симфонистов всех стран, а у нас, в Советском Союзе, его музыка давно уже стала всенародным достоянием. Слава, сопутствующая композитору в последние годы его жизни, продол-

жает расти и после его смерти, а в настоящее время достигает тех пределов, которые доступны только немногим гениальным творцам-художникам.

Чайковский родился и провел первые восемь лет в Воткинске, на Урале, где отец его занимал должность директора завода. Могучая суровая природа, а главное — народные песни во всей их величественной красоте — вот впечатления, питавшие воображение восприимчивого ребенка. В пятилетнем возрасте мальчик научился игре на фортепиано. Уже тогда определялась его любовь к классической музыке. Он полюбил Моцарта, которого читал всю жизнь и считал идеалом художника и человека. Воспитание маленького музыканта определялось сердечной атмосферой, дарившей в семье.

Полным контрастом к семейной обстановке явилось петербургское Училище правоведения, где Чайковский учился девять лет. Училище было пропитано духом николаевской солдатчины, в нем процветали отвратительные нравы. Оторванный от матери и семьи, окруженный грубыми людьми, мальчик пережил тяжелую нравственную ломку, но вышел из нее победителем. Он уснционно продолжал занятия фортепианной игрой и по окончании училища получает некоторую известность в петербургских салонах в качестве хорошего пианиста и композитора-дилетанта.

В это время Чайковский служил в министерстве юстиции. Но чиновничья деятельность не удовлетворяла его, и он решает бросить службу. В 1862 году Чайковский поступает в открывшуюся в Петербурге консерваторию. Он был учеником Антона

Рубинштейна — композитора и великого пианиста. Юноша Чайковский самоотверженно предается учению и в три с половиной года проходит курс консерватории. Чайковский едет затем в Москву и начинает преподавательскую деятельность в Московской консерватории. В эти годы он создает ряд превосходных произведений. Среди них «Кузнец Вакула» («Черевички»), увертюра «Ромео и Джульетта», симфонические фантазии «Буря» и «Франческа да Римини», множество романсов и фортепианных пьес. Кипучая энергия и темперамент борца толкают композитора на путь публицистики — в своих статьях он бичует невежество и безвкусию светской публики, спекулянтов от искусства, горячо защищая интересы русской музыки.

Утомительная педагогическая работа, постоянная материальная нужда, тяжелая личная драма делают пребывание в Москве тягостным для Чайковского. Родственники увезли его в Швейцарию. Благодаря поддержке богатой меценатки Н. Ф. фон Мекк композитор получает возможность всецело отдаться творчеству. С неиссякающей энергией он создает замечательные произведения. В 1878 году Чайковский заканчивает оперу «Евгений Онегин», затем появляются оперы «Орлеанская дева», «Мазепа», «Чародейка», «Пиковая дама», «Поланга», симфония «Манфред» (по Байрону), всемирно известные симфонии и много других произведений. Благодаря опере «Евгений Онегин» имя Чайковского прогремело по всей России. Он завоевывает мировую славу, поездки в Западную Европу и Америку превращаются в сплошной триумф. Кембриджский университет присваивает композито-

ру почетное звание доктора музыки.

Крайнее напряжение, вызванное беспрерывным по интенсивности трудом и постоянными разъездами, побудило Чайковского искать спокойного пристанища. Он поселился в Клину. Дом, где жил Чайковский и где он написал свою гениальную шестую симфонию, стал теперь музеем. До последних дней своей жизни Петр Ильич не прекращал усиленной творческой работы. Неожиданная смерть Чайковского в Петербурге (25 октября 1893 г.), вскоре после первого исполнения его Шестой симфонии под управлением автора, произвела потрясающее впечатление на передовые круги русского общества.

Наиболее выдающаяся черта всей деятельности Чайковского — это необычайная многогранность и высокая профессиональная культура труда. Он обогатил русскую музыку многими жанрами, которые вовсе не были представлены у его предшественников, либо существовали у нас в совершенно неразвитом виде. Он является первым русским композитором, овладевшим сложным жанром симфонии и привлекавшим внимание широкого круга слушателей своими полноценными оркестровыми произведениями в эпоху, когда западный симфонизм клонился к загниванию. Он буквально создал запово русский балет, русскую квартетную музыку.

Чайковский, разумеется, не являлся создателем русской музыки: она достигла высокого уровня и до него, в произведениях Глинки, Даргомыжского и других выдающихся предшественников. Но он представляет ее во всем богатстве — от народной песни до музыкальной трагедии, от небольшой фортепианной пьесы до величественной симфонии. Сильное влияние на него оказала современная ему музыка Запада: немецкий симфонизм Верди, Гюно, Вагнер, французский балет. От этого его

творчество становилось еще более оригинальным, многогранным. Можно смело сказать, что из числа существующих в современную ему эпоху жанров он освоил огромное их большинство и сделал это в непрестанной и напряженной работе.

Рассматривая огромное наследие Чайковского, удивляешься не только силе его творчества, но и редкой работоспособности композитора. Чайковский выполнял самые трудные задания в невероятно короткие сроки: в сорок четыре дня написал в эскизах «Пиковую даму», в пять дней — сложнейшую первую часть шестой симфонии. Эта быстрота давалась упорным творческим трудом, железной волей, сознательной ежедневной тренировкой, суровой дисциплиной мышления. «Вдохновения», — говорил Чайковский, — нельзя ожидать, да и одного его недостаточно: нужен прежде всего труд, труд и труд. Помните, что даже человек, одаренный печалью гения, ничего не даст не только великого, но и среднего, если не будет адекватно трудиться. И чем больше человеку дано, тем больше он должен трудиться».

Никакой успех не был способен заглушить в Чайковском беспощадного голоса самокритики, не умолявшего в его сознании никогда. Самые суровые оценки его творений исходили от него самого. Петр Ильич был, при всей широте его воззрений, профессионалом с ног до головы, великим мастером художественного труда. Он ненавидел обломовщину, самодовольный дилетантизм, умственный лень, прикритую громкими фразами о «вдохновении». С другой стороны, композитор живо отзывался на все талантливое и нередко поддерживал морально и материально творчески одаренную молодежь. Он находил время отвечать на сотни писем, проявляя редкое

бескорыстие и энтузиазм в оценках людей и произведений.

Чайковский обладал большим умственным кругозором. Он постоянно читал беллетристику, сочинения по истории, в особенности русской, посещал театры, музеи, изучал философию Спинозы. Его здравый ум отвергал догматические религиозные представления. Таков облик одного из величайших русских художников, мужественного работника, народолюбца и гениального музыканта.

Из опер Чайковского особой любовью пользуется «Евгений Онегин». Задушевная музыка этой оперы стоит на одном уровне с романом Пушкина. Безграничная популярность оперы вызвана сочетанием поэтических музыкальных образов Татьяны и Ленского с картинными сценами разных слоев общества. Другие две оперы на пушкинские сюжеты — «Мазепа» и в особенности «Пиковая дама» — тоже завоевали большую популярность. Обе дают потрясающий истинный показ исторической действительности самодержавного строя и музыкальные образы, стоящие на высоте истинных трагедий. Очаровательная гоголевская сказка «Ночь перед рождеством» послужила сюжетной канвой для увлекательной комико-фантастической оперы «Кузнец Вакула» («Черевички»). Народная бытовая трагедия «Чародейка» рисует сильный, смелый образ русской женщины из народа. Если вспомнить героический облик Жанны д'Арк в опере Чайковского «Орлеанская дева» и поэтическую Полангу — слепую девушку, излечившую свой недуг силой любви, — то станет ясно, что в операх Чайковского выведены женщины полные подема, нравственной красоты и силы.

Симфонические произведения Чайковского пропитаны борьбой, жаждой деятельности, податой чувст-

ва жизни, а мрачные элементы — отражение угнетающих сил — лишь подчеркивают волнение живой личности. Замечательная четвертая симфония представляет убедительную картину борьбы за счастье. Она заканчивается могучими звучаниями народного праздника: только в единении с народом композитор видел выход из тягостного одиночества человека. В последней, шестой симфонии Чайковский выразил с необычайной силой борьбу и глубокое страдание. Но и тут звучат мотивы просветления.

Балеты Чайковского «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик» по качеству не уступают его симфоническим произведениям. Впервые русская балетная сцена обогатилась драматическими сюжетами. Сверкающая музыка балетных divertissementов и трогательность отдельных образов в музыке Чайковского составляют важный этап на пути реалистического балетного искусства.

Романсы и песни Чайковского ясно показывают, каким необычайным мелодическим даром обладал композитор. Песни о радости, любви, о страданиях одиночества перерастают у Чайковского в поэмы нередко философского содержания. Разнообразные песни поразительно величественные гимны природе и возвышенной любви чередуются с меланхолическими вальсами и песнями народного склада.

К чему ни прикасался Чайковский, каким бы жанром ни пользовался, — все начинало жить полной, содержательной жизнью, становилось теплым, волнующим. Огромный вклад, который он сделал в русскую и мировую художественную культуру, позволяет причислить Чайковского к величайшим художникам русского исторического прошлого.

А. АЛЬШВАНГ.